

Научная статья
УДК 81+39
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-398-410
EDN: OSXUYE

УРУПСКИЙ ИДИОМ: ФОРМИРОВАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НА РОДИНЕ И В ТУРЕЦКОЙ ДИАСПОРЕ

Нурбий Заурович Куров

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва,
Россия, bnurbi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1341-0899>

Аннотация. Под влиянием различных исторических процессов в черкесском ауле Урупском (Шъхъащэфыжь) сформировался особый языковой идиом. Основание а. Урупского произошло в годы Кавказской войны, став местом поселения для черкесов из разных обществ. Название аула «Урупский» закреплено решением помощника Урупского округа Кубанской области в апреле 1867 г. В то же время в некоторых документах и картах аул упоминается под наименованием Уарп (адыгское название реки Уруп). Однако, по сложившейся традиции населенный пункт назывался и продолжает в народе именоваться «Шъхъащэфыжь». Именно здесь селились абадзехи и темиргоевцы, шапсуги и кабардинцы. Идиом сформировался, включив в себя диалекты проживавших в ауле черкесов, в первую очередь темиргоевцев и абадзехов, представлявших большинство жителей. В статье использованы полевые интервью с респондентами из аулов Успенского района (Краснодарский край, Россия) и провинции Анкара (Турция), полученные в период экспедиций с 2021 по 2024 гг. Черкесы провинции Анкара сохранили языковые особенности своих предков несмотря на давление со стороны государства и процессы глобализации, особый идиом черкесов аула Урупского прослеживается в речи современных жителей Икиздже (провинция Анкара, Турция). В исследовании удалось зафиксировать слова, характерные для местной речи. Отметим, что фонетическая система, грамматический строй и лексика урупского идиома в основном совпадают со звуковым и морфологосинтаксическим строем и лексикой адыгейского литературного языка. В диаспоре идиом приобрел специфику, характерную для всех черкесов Турции, но сохранил свои особенности.

Ключевые слова: адыгский язык; урупский идиом; черкесы; Кавказ; Турция; диаспора; а. Урупский; языковые особенности.

Для цитирования: Куров Н.З. Урупский идиом: формирование, особенности, функционирование на Родине и в турецкой диаспоре // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 398-410. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-398-410. EDN: OSXUYE.

© Куров Н.З., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE URUP IDIOM: FORMATION, STRUCTURE, FEATURES IN THE HOMELAND AND IN THE TURKISH DIASPORA

Nurbiy Z. KurovInstitute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, bnurbi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1341-0899>

Abstract. A distinct linguistic variety developed in the Circassian aul of Urupsky (Шъхьащэфыжь) under the influence of various historical processes. The aul was founded during the Caucasian War and became a place of settlement for Circassians from different communities. The name “Urupsky” was officially established by a decision of the assistant head of the Urup District of Kuban Oblast in April 1867. At the same time, some documents and maps refer to the aul as Uarp, the Adyghe name for the Urup River. Traditionally, however, the settlement was-and continues to be-popularly known as “Шъхьащэфыжь.” Abzakh, Temirgoy, Shapsug, and Kabardian Circassians settled there. The local idiom developed by incorporating the dialects of the Circassians living in the aul, primarily those of the Temirgoy and Abzakh, who constituted the majority of its inhabitants. The article draws on field interviews conducted between 2021 and 2024 with respondents from the auls of Uspensky District (Krasnodar Krai, Russia) and Ankara Province (Türkiye). Despite pressure from the state and the effects of globalization, the Circassians of Ankara Province have preserved the linguistic features of their ancestors. The distinctive idiom of the Circassians from the aul of Urupsky can still be traced in the speech of present-day residents of İkitze (Ankara Province, Türkiye). The study documented a number of words characteristic of the local speech. It should be noted that the phonological system, grammatical structure, and vocabulary of the Urup idiom largely correspond to those of Standard Adyghe. In the diaspora, the idiom acquired features common to the Circassians of Türkiye while retaining its own distinctive characteristics.

Keywords: Adyghe language; Urup idiom; Circassians; Caucasus; Türkiye; diaspora; Urupsky aul; linguistic features.

For citation: Kurov N.Z. The urup idiom: formation, structure, features in the homeland and in the turkish diaspora. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 398-410. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-398-410. EDN: OSXUYE.

© Kurov N.Z., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Одним из важнейших аспектов в изучении черкесской этнографии является язык как средство вербальной коммуникации в адыгском социуме. В данной статье рассмотрим особенности речи двух черкесских групп. Одна представлена жителями аула Урупского (Шъхьащэфыжь) Успенского района Краснодарского края Российской Федерации, другая – мухаджирами из указанного аула, проживающими в Турции, провинции Анкара, селении Икизде (İkitze; Шъхьащэфыжь).

Для понимания исторического контекста происхождения урупского идиома стоит немного остановиться на процессе появления аула Урупского и селения Икизде.

Вопрос о времени и обстоятельствах образования а. Урупского (общераспространенное адыгское название – Шъхьащэфыжь) является дискуссионным, так как данные официальных источников и народных преданий существенно расходятся. По информации некоторых материалов и краеведческих работ, аул был основан в 1864 г. [Огурлов 2014: 8]. Согласно основному нарративу народ-

ной памяти, первыми поселенцами стали адыги, ранее находившиеся в зависимости у черкесогоаев (горских армян) в Армавире и выкупившие себя после отмены крепостного права в Российской империи (Шъхъащэфыжь – дословно с адыгского переводится как «выкупившие головы»). Однако, на Северном Кавказе процесс отмены крепостного права происходил поэтапно и растянулся до 1867–1868 гг. Данный факт заставляет усомниться в исторической достоверности устного предания. В ходе экспедиции 2021 г. в Успенском районе нами зафиксированы сведения о более ранних фактах основания а. Урупского, упоминавшиеся некоторыми старожилами. По свидетельству респондента Р. Шаова, первопоселенцы в основном из темиргоевцев получили вольную у своих собственных князей Болотоковых [ПМА–1]. Данные факты связывают название аула «Шъхъащэфыжь» с категорией вольноотпущенников («азат» или «шъхъащэфыжь»), которые после выкупа у князей формировали особую подкатегорию третьестепенного дворянства. Русский академик немецкого происхождения Г. Клапрот по итогам своих поездок по Кавказу в начале XIX в. отмечал существование в социальной иерархии адыгского общества такой категории, формировавшейся из вольноотпущенников князей (пщы) и дворян (оркъ). Эти вольноотпущенники или азаты на деле сами являются привилегированным сословием, и «для военной службы они остаются всегда покорны их старым владельцам» [Klaproth 1827: 71]. О данной категории крестьян писал и Хан-Гирей, по его сведениям, данная категория крестьянства появилась, вероятно, после принятия черкесами ислама, так как большую роль в популяризации освобождения владетелями крестьян – играло духовенство [Хан-Гирей 1978: 125]. В других источниках подчеркивается, что положение вольноотпущенников не отличалось от свободных крестьян (тфокотлей) [Леонтович 1882: 363].

В архивных источниках зафиксировано, что летом 1857 г. аул князя Асланбека Болотокова вместе с другими поселениями перемещен на новые места между станицами Бесскорбной и Урупской (в настоящее время Советская) [РГВИА. Ф. 14257. Оп. 1. Д. 108. Л. 6–7]. Аул находится и по сей день именно в данном месте – по правую сторону от р. Уруп. Уже позже в населенный пункт переселялись абадзехи, покидавшие по указу имперских властей свои горные селения, и адыгские крестьяне, выкупавшие себя у владельцев в 1866–67 гг. [ГАКК. Ф. 474. Оп. 1. Д. 257. Л. 1–92]

Аул Урупский уникален тем, что в отличие от многих других адыгских аулов, стал «плавильным котлом» для множества адыгских обществ (субэтносов), селившихся на этом месте в ходе и после Кавказской войны. По данным 1885 г. в а. Урупском проживали: абадзехи, шапсуги, бжедуги, хатукаевцы, бесленевцы, кабардинцы, егерухаевцы, махашевцы, мамхеги и даже одна семья убыхов [Фелицын 1885: 63]. Объединив диалекты проживавших в ауле черкесов, в первую очередь темиргоевцев и абадзехов (представлявших большинство жителей), сформировался специфичный идиом близкий к современному литературному адыгейскому языку.

Название аула «Урупский» было закреплено решением помощника Урупского округа Кубанской области в апреле 1867 г. [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 384. Л.

16]. В то же время в некоторых документах и картах аул упоминается под наименованием Уарп (адыгское название реки Уруп). Однако этот ойконим как название аула не сохранился в памяти жителей Урупского; он совершенно не известен в турецкой диаспоре.

Осенью 1895 г., в ходе переселения, из Урупского в Османскую империю ушло 816 человек [ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 793-а. Л. 337]. Впоследствии в Турции возникла «копия» этого черкесского поселения. Прибыв на турецкий берег, переселенцы были направлены в центральную часть страны – в провинцию Анкара. Их потомки живут в селении Икиздже, районе Гельбаши, провинции Анкара Турецкой Республики. Переселенцы выбрали это место из-за его схожести с родными кавказскими ландшафтами: здесь находится холм Кабасинан и источники воды. Местные по-прежнему называют село «Шъхъащэфыжь», однако официальное название – Икиздже. Это место служило остановкой для караванов и называлось «Фонтаны-близнецы».

Говоря об особенностях адыгского языка, следует упомянуть, что в нем существует две утвердившиеся в России литературные нормы: адыгейский (кяхский) и кабардино-черкесский. Они основаны на различных диалектах адыгского языка и служат для стандартизации письма и общения. В черкесской диаспоре Турции сохранились диалекты адыгского языка: кабардинский, бжедугский, темиргоевский, бесленеевский, абадзехский, шапсугский.

В ауле Урупском и в селении Икиздже бытует своеобразное наречие на основе абадзехского и темиргоевского диалектов адыгейского (кяхского) языка. На урупский идиом повлияли различные факторы. Помимо субэтнической пестроты черкесов в а. Урупском черкесы-бесленеевцы проживают по соседству в аулах Кургоковском и Коноковском (до а. Кургоковского 30 км, а до а. Коноковского 3 км). В речи «урупцев» присутствуют отдельные слова из бесленеевского диалекта. Другим фактором стали исторические связи местных жителей с армавирскими черкесогаями. Лексика урупского частично совпадает с лексикой, существовавшей у «армавирских черкесов». Однако, в урупском идиоме отсутствуют армянские заимствования, сохранившиеся в речи черкесогаяев (в основном, это христианские религиозные термины). Это подчеркивает религиозные различия между черкесогаями и черкесами (основавшими а. Урупский).

В связи с тем, что в этих населенных пунктах, несмотря на разные условия, продолжает использоваться в быту особый идиом, мы считаем необходимым отдельно остановиться на изучении общих и различных особенностей речи. Исследование урупского идиома позволяет на конкретном примере проследить, как социальная стратификация, миграция и трансформация идентичности напрямую отражаются в структуре языка.

Ряд работ Н.М. Набоковой [Набокова 1963; Набокова 1965] раскрывает особенности речи жителей а. Урупского. Автор в конце 1950-х – начале 1960-х гг. во время написания кандидатской диссертации даже проживал в этом ауле, о чём помнят некоторые старожилы аула. Хотя Н.М. Набокова и изучала в первую очередь говор черкесогаяев Армавира и окрестностей, часть материалов охватывает вопросы особенностей бытующего языка в среде жителей а. Урупского.

В то же время накоплен большой исследовательский материал по речи черкесской диаспоры. Существенный вклад в исследование речевой практики адыгской диаспоры в Турции и странах Ближнего Востока внесли как зарубежные, так и отечественные ученые. В трудах Ж. Дюмезиля, К. Пари, Моники Хёлиг, М.М. Абазовой, Б.Ж. Бижоева, М.А. Кумахова, Х.Т. Таова, Р.Х. Темировой и др. предприняты попытки теоретического осмысления ключевых аспектов функционирования речи диаспоры. Эти исследователи выявили основные закономерности языковых изменений в диаспоре. В частности, установлено, что речь адыгов в данных регионах испытывает существенное воздействие как языков принимающего населения, так и процессов смешения диалектных черт различных адыгских языков и говоров [Абазова 2014: 70]. Учеными также отмечалось сохранение в речи диаспоры архаических элементов, наряду с появлением неологизмов и заимствований, обусловленных изолированным развитием и интенсивным влиянием языкового окружения [Адыги 2022: 768]. Сведения о звуковой системе диалектов зарубежных черкесов имеют значительную ценность для сравнительно-исторического изучения адыгской фонетики.

В статье использованы полевые интервью с респондентами из аулов Успенского района (Краснодарский край, Россия) и провинции Анкара (Турция), полученные в период экспедиций с 2021 по 2024 гг.

Благодаря использованию при сборе данных структурированных, полуструктурированных и глубинных интервью, мы смогли услышать, а затем и проанализировать урупскую речь, выделив ее особенности.

Основная часть

Несмотря на то, что звуковой состав речи жителей а. Урупского совпадает со звуковым составом литературного адыгейского языка, отдельные звуки имеют свою специфику. Так, твердая шипящая аффриката ЧІ, входящая в преверб чІэ «под», в речи «урупцев» постоянно заменяется мягкой аффрикатой кІ, хотя согласные шипящие аффрикаты – твердая ЧІ и мягкая кІ – имеются как отдельные звуки [Набокова 1965: 114].

Приведем примеры замены этих звуков:

№	Урупский идиом (Урупский)	Перевод	Литературный адыгейский	Перевод
1	кІельхъэ	кладет под	чІельхъэ	кладет под
2	кІэхъагъэх	зашли под догнали (кого-то)	чІэхъагъэх	зашли под
3	кІэтІысхъагъ	он сел	чІэтІысхъагъ	он сел

Анализ полевых материалов и источников показывает, что смешение звуков чІ и кІ создает искусственную омонимию: одно слово в урупском идиоме может иметь два значения, а в литературном адыгейском одно.

Наличие в речи респондентов элементов абадзехского диалекта прослеживается по сей день в черкесской диаспоре в Турции, так смычной І (Іь) в некоторых местах замещает шипящую кІ:

№	Урупский идиом (Ikizce)	Перевод	Литературный адыгейский	Перевод	Абадзехский	Перевод
1	паӀэ	усы	пакӀэ	усы	паӀэ	усы
2	моӀэ	тут	мокӀэ	тут	моӀэ	тут
3	дахэӀе	по-хорошему	дахэкӀэ	по-хорошему	дахэӀе	по-хорошему
4	Ӏалэ	парень	кӀэлэ	парень	Ӏалэ	парень

Лексика «урупцев» проявляет некоторое своеобразие в употреблении диалектных слов, что сближает её с отдельными адыгскими диалектами. Урупская лексика совпадает с лексикой армавирских черкесов [Набокова 1963: 40]. В урупском идиоме имеется некоторое количество диалектных слов, кроме слов адыгейского литературного языка, например: *хъырбыдз* (арбуз), *хъэнгуль* (алыча), *шъэокӀэцыжъ* (обряд торжественного возвращения молодожена домой), *кӀакъу* (хлеб), *тэкурэку* (окрестность), *псыӀушӀэ* (плотина), *къурӀантелэбэ* (палочка для чтения Корана), *ныбжъыц* (морщина) и т.д. [ПМА–1].

В урупской лексике имеются слова, которые не употребляются в адыгейском литературном языке. Эта группа слов малочисленна: чемчыр (специальная посуда для выжатия сыра), пынджыр (окно, в литературном – шъхъангъупчъ), пынджырашъхъ (подоконник, в литературном – шъхъангъупчъашъхъ), зэбурадз (псалмопевец), лӀэкъоштэжъ (приемыш) и др. [ПМА–1].

№	Урупский идиом	Перевод	Литературный адыгейский	Перевод
1	гунапцэ	<i>внимательный человек</i>	гулътэ зиӀэ цӀыф	<i>внимательный человек</i>
2	кӀакъу	<i>хлеб</i>	хъалыгъу	<i>хлеб</i>
3	фыщын	<i>вишня</i>	чэрэз	<i>вишня</i>
4	зэгъальэ	<i>рубашка</i>	джанэ	<i>рубашка</i>
5	пынджыр	<i>окно</i>	шъхъангъупчъ	<i>окно</i>
6	пынджырашъхъ	<i>подоконник</i>	шъхъангъупчъашъхъ	<i>подоконник</i>
7	зэлэн	<i>понять друг друга</i>	зэгурыӀон	<i>понять друг друга</i>
8	лӀэӀужъэ	<i>маленький</i>	цӀыкӀу	<i>маленький</i>
9	лӀэӀуцэ	<i>маленький</i>	цӀыкӀу	<i>маленький</i>
10	быжъ	<i>огромный</i>	инышху	<i>огромный</i>
11	псышъонт	<i>бурдюк</i>	шъонт	<i>бурдюк</i>
12	пхъэнтӀэкӀужъый	<i>низкий стул</i>	пхъэнтӀэкӀу лъахъч	<i>низкий стул</i>
13	тыгъужътам	<i>поляна</i>	шъоф	<i>поляна</i>
14	цӀырау	<i>стрекоза</i>	пчӀау	<i>стрекоза</i>
15	къульшырыф	<i>монастырь</i>	чылыс	<i>монастырь</i>
16	Ӏапс	<i>легкий, прозрачный</i>	псынӀкӀэ	<i>легкий</i>
17	хъаят	<i>коридор</i>	ихъапӀэ / кэлидор	<i>коридор</i>

В адыгских диалектах крайне разнообразна вариация произношения местоимения «что», так в урупском идиоме «да» / «дра», у коноковцев и кургоковцев «си», в литературном адыгейском «сыд» и т. д.

Наречия «цIапIэу», «Iаеу» в адыгейском литературном языке чаще всего понимаются с отрицательным смыслом или оттенком. В урупском идиоме эти наречия, хотя встречаются и с отрицательным значением или оттенком, чаще всего связываются с глаголами положительного значения, и вместе они передают действие или состояние с обстоятельством, близким к превосходной степени. Например: «цIапIэ Iаеу сыгушIуагъ» (очень сильно я обрадовался) [ПМА–3].

Во время полевой работы в Турецкой Республике в 2024 г. посещен Икиздже, где собран материал от старожил села. По манере, звучанию, отдельным диалектными словам прослеживался тот самый урупский идиом, бытующий и на Родине – ауле Урупском.

О сохранности особенностей речи «турецких урупцев» было известно и до экспедиции, исследователь М. Табишев сообщал [ПМА–3], что встречал женщину в почтенном возрасте, которая, несмотря на наличие турецких невесток в семье, все 45 лет общалась исключительно на адыгском языке, и у нее сохранился чистый урупский идиом, как будто она жила на Родине. Из-за поликультурного населения Икиздже местные в быту используют преимущественно турецкий язык. В 1925 г. между Болгарией и Турцией был заключён договор, согласно которому болгарам-мусульманам способствовали в переселении в единую Турцию [Кузов 2025: 134]. В 1934 г. в Икиздже были переселены болгары-мусульмане, которые и по сей день проживают в селе вместе с черкесами. По утверждениям местных, болгары влились в общество черкесов, на свадьбах исполняли адыгские танцы и знали адыгский язык. Однако, нам в ходе экспедиции не удалось зафиксировать болгар, владеющих адыгским языком.

В «турецком Шъхъащэфыжь» также прослеживается использование особенностей идиома местных черкесов. Сохранность в речи «урупцев» диаспоры использования «пынджыр» не удивляет ввиду того, что окно на турецком языке «ренсеге» (произносится как «пенджер»), однако, вызывает интерес наличие этого слова у жителей Шъхъащэфыжь на Родине. В урупском идиоме присутствует слово «хъаят», обозначающее коридор / прихожую, в литературном адыгейском «ихъапIэ / кэлидор», а в кабардино-черкесском «щIыхъэпIэ / клэлындор» [ПМА–1]. Интересно, что в некоторых аулах Республики Адыгея коридор называют «сенцэ», что является заимствованием от русского «сени». Можем предположить, что заимствование в урупский идиом произошло из ногайского языка, где коридор – «аят». На территориях вдоль реки Кубани в XIX в. по соседству с а. Урупским располагались ногайские аулы. До сих пор в народной памяти старожиллов сохранились сведения о ногайском кладбище, которое было на месте аула еще до его основания. На этом месте, где сохранилось несколько надгробных плит без возможности их опознания, по сей день не строят домов и ухаживают за территорией.

Идиому жителей Икиздже присущи те же особенности построения слов, что и на Родине. К примеру: «Дра (что) / сыда, сыда ытхар» вместо «сыда ытхыгъэр (что написал)» без суффикса «гъа» / «гъэ». «Сыда уцIэр» (как тебя зовут) вместо «сыда пцIэр» [ПМА–2]. В обиходной речи отдельные адыгские фразы и слова используются, как элемент самоидентификации: «мо къакIоба», «мо кIожьба»,

«осІуагъэр зэхэохыба», «мо гъунэгъум къеджэба» (подойди сюда, отойди отсюда, ты слышишь, что я тебе сказал? позови семью сюда) [ПМА–2].

В речи жителей Икиздже, как и в речи жителей Урупского, присутствуют заимствования из бесленеевского диалекта: «джыпстыу» вместо литературного «джыдэдэм» (сейчас), «кІакъо» – вместо «хъалыгъу» (хлеб). На наш вопрос «Почему вы называете хлеб так, вы же западные адыги?» они ответили: «Да мы и так называем, но кІакъо вкуснее» [ПМА–2] – некоторые альтернативные слова для носителей идиома являются маркером, демонстрирующим их особость, самость, что симпатизирует местным жителям. Наличие бесленеевских слов в речи жителей объясняется не браками уже в диаспоре, а соседством с бесленеевскими аулами на Кавказе. Таким образом, можно предположить, что данные особенности «увезены» с собой черкесами во время мухаджирства: «Почему кабардинские слова в речи? У нас не было в Турции многие десятилетия кабардинских невест. Эти фразы наши предки привезли с хэкуж (адыгское название Родины – прим. автор.)» [ПМА–2].

Отметим, что и в Турции Икиздже расположен по соседству с кабардинским Хаджимуратлы (Насимуратлы) и бесленеевским Гекчехойюк (Gökçe Höyük, Къургъокъуай). Однако, в Турции черкесские села не представляют собой моноэтнических поселений – значительную часть жителей зачастую составляют турки, курды и др. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сельская местность в турецких реалиях представляет собой дачи, где люди в основном проводят время в летний период, предпочитая жить большую часть года в городах. С 1980-х гг. в Турции проходила массивованная урбанизация сельской местности, в малых населённых пунктах закрывались школы, медицинские пункты и т.д., закупались школьные автобусы, которые по сей день собирают детей по селам и возят в школы находящиеся в городах. В современном Икиздже есть мечеть, здание дома культуры и одновременно администрация села – на этом вся инфраструктура населённого пункта. Из-за этого сегодня в Икиздже проживают порядка 300 человек (черкесы не превышают половины из этого числа).

Естественно, речь турецких черкесов имеет заимствования из турецкого языка: вместо «мыст» – «уані» (так), вместо «ау» – «ансак» (однако), вместо «гушчыІэм пай» – «mesela» (например, к слову) и др. [ПМА–2]. Как и в случае с заимствованиями из русского языка у черкесов, проживающих на Кавказе, в Турции полностью перенимают в речь названия предметов, не существовавших в адыгском быте, технологические новинки, числительные и времена года. Последние два аспекта являются ярким примером языковой ассимиляции.

Слова, относящиеся к родственным отношениям, хабзэ (обычаям), традициям, взаимоотношениям, еде, птицам, растениям, слова, означающие части тела – все это на адыгском языке сохранилось и бытует, как у турецких, так и у российских черкесов.

Интересно, что у адыгов Турции (в том числе и в Икиздже) автомобиль именуется «ку» (телега), тогда как на Родине чаще всего говорят «машин». Думается, дело в том, что в турецком языке автомобиль прозвали «araba» (телега). Турецкие адыги использовали тот же принцип, взяв за норму называть автомобиль «телегой». Б.Ч. Бижоев именуется данный пример образования в диаспоре

новых значений у старых слов «семантическим отклонением» [Адыгская 2000: 215].

Большая численность черкесской диаспоры в Турции повлияла на сохранность черкесского языка и его диалектных форм. Уникально не то, что данный идиом существует и используется, важно то, что он сохранился в турецкой среде, где присутствовало государственное ущемление национальных языков [Батрай 2013: 29; Адыгская 2000: 203]. В 1923 г. основана Турецкая Республика. В июле того же года подписан Лозаннский мирный договор, по которому немусульмане (армяне, греки и евреи) признавались национальными меньшинствами и должны были иметь особый статус. Мусульманские же национальные меньшинства были лишены своих культурных прав, включая и возможность изучения родных языков. По указу государства 5 сентября 1923 г. была закрыта черкесская школа Стамбула [Besleney 2014: 59]. Новый «кемалистский» политический режим был ориентирован на конструирование единой турецкой нации из бывших мусульманских подданных империи. В рамках данной концепции каждый гражданин страны должен был не только владеть турецким языком как государственным, но и использовать его в качестве родного. В 1928 г. развёрнута кампания «Гражданин, говори по-турецки!» [Топчу 2017: 148].

До конца 60-х гг. XX в. большинство черкесов Турции жили в сельской местности компактно и изолированно, составляя в некоторых местах целые районы и зачастую являясь этническим большинством в определенных местностях Анатолии. Однако, в Турецкой Республике на протяжении всего XX в. проводилась ассимиляционная политика в отношении национальных меньшинств. Курс государства был изменён лишь после начала евроинтеграции Турции, так в 2004 г. разрешено вещание на национальных языках [Hewitt 2014]. Действительно, в Турции существуют определенные изменения в государственной политике в отношении языков национальных меньшинств, но по заверению респондентов черкесское общество по-прежнему видит в обучении своих детей родному языку угрозу, которая может повлиять на карьерный рост или образование своих потомков [ПМА–2].

В ходе экспедиции нами была произведена попытка поиска черкесов, говорящих на турецком языке с черкесским акцентом, однако, найти подобного респондента оказалось затруднительно. По утверждению представителей диаспоры, носители турецкой речи с черкесским акцентом существуют в настоящее время среди старожил и, по всей вероятности, будут сохраняться в ближайшем будущем.

В Турции проживают выходцы с Кавказа, являющиеся носителями различных языков, что обуславливает формирование акцентных особенностей в зависимости от структуры каждого конкретного языка. Наряду с этим в турецком языке присутствуют отчетливо выраженные региональные различия в произношении и разговорных формах. Поскольку черкесское население, как правило, осваивает турецкий язык в языковой среде региона своего проживания, их речь на турецком языке отражает не только интерференцию адыгского языка, но и

региональные фонетические особенности. В результате во многих случаях представляется возможным определить региональную принадлежность говорящего по-турецки с черкесским акцентом.

Несмотря на высокий уровень языковой ассимиляции в Турции, особенно в целом ряде социальных групп, среди представителей среднего и старшего поколений по-прежнему сохраняется значительное число носителей, для которых адыгский язык остается родным и активно функционирующим средством коммуникации. О полной языковой утрате можно говорить лишь в перспективе нескольких поколений.

Языковые процессы, которые адыгский язык претерпел на Кавказе, не получили аналогичного развития в среде диаспоры. В пределах Российской империи и впоследствии СССР формирование письменной традиции и литературного языка происходило в специфическом историческом контексте, от которого диаспора оказалась почти полностью изолирована. До 1990-х гг. устойчивые контакты между исторической Родиной и диаспорой практически отсутствовали, что исключало регулярное языковое взаимодействие.

Указанные обстоятельства, вероятно, способствовали более длительному сохранению диалектного многообразия адыгского языка в Турции. Ключевым фактором здесь стало отсутствие процессов языковой стандартизации. Вместе с тем затруднительно утверждать, что все диалекты сохранились в неизменном виде. В отличие от Кавказа, в Турции носители различных диалектов расселялись совместно, что в условиях смешанных браков и интенсивных социальных контактов привело к их значительному взаимному влиянию и смешению. Тем не менее можно констатировать, что литературные адыгские языки (адыгейский и кабардино-черкесский), сформировавшиеся под воздействием советской языковой политики и культурной среды, не оказали существенного влияния на языковую практику черкесской диаспоры в Турции.

Заключение

Подводя итог, отметим, что черкесы провинции Анкара сохранили языковые особенности своих предков несмотря на давление со стороны государства и процессы глобализации, особый идиом черкесов аула Урупского прослеживается в речи современных жителей Икиздже, однако, как и в России, в Турции черкесы заимствовали ряд слов из государственного языка (в России – из русского, в Турции – из турецкого). Удалось зафиксировать слова, характерные для местного урупского идиома. Назвав новое место поселения в провинции Анкара кавказским именем Шъхъащэфыжь, переселенцы сберегли не только память о родной земле, но и специфику материнского языка. Произнесение маркера «Шъхъащэфыжь тыщыщ» («мы из Шъхъащэфыжь / Икиздже») выступает в диаспоре символическим демонстратором происхождения и непрерывной воображаемой связью со «старой Родиной» (Хэкужь).

Урупский идиом выступает хранителем уникального пласта трудового, обрядового фольклора. В Икиздже и в ауле Урупском зафиксированы аутентичные трудовые песни, сопровождавшие уборку кукурузы («Сэтхъы, сэтхъы, мэщым

сыдатхъэ, натрыфыр сэтхъы...»¹) [ПМА–1; ПМА–2] и исторические плачи (гыбзэ), сберегающие память о реке Уруп (Уарп) как о сакральном символе утраченной родины.

А, сэрмафэ, шъуиунэ исхэмэ яхьэдагъэ мыухи,
А, сэрмафэ, нэпсэу кIагъэчъырэр Уарпыжьи, ооу,
А, Тхьэм къытэмыагъэмэ, сэрмафэ,
Сыд гушхэр тикъежьи...² [ПМА–2].

Аул Урупский в XIX в. объединил представителей темиргоевского, абадзехского, шапсугского и бесленеевского обществ. В результате конвергенции (преимущественно темиргоевского и абадзехского) сложился гибридный идиом, близкий к литературному адыгейскому языку, но обладающий локальной спецификой. Следует отметить, что фонетическая система, грамматический строй и лексика в основном совпадают со звуковым и морфолого-синтаксическим строем адыгейского литературного языка.

Речь жителей аула «Шъхьащэфыжъ» и на Родине, и в диаспоре является своеобразным идиомом, специфика которого является отражением сложной истории этого населенного пункта. Урупский идиом – это уникальный языковой кейс, который позволяет глубже понять механизмы языковой эволюции в условиях сложных социальных и исторических процессов как на Родине, так и в диаспоре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазова 2014 – Абазова М.М. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 136 с.

Адыги 2022 – Адыги: адыгейцы, кабардинцы, черкесы, шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – М.: Наука, 2022. – 870 с.

Адыгская 2000 – Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура / под ред. Х.М. Думанова. – Нальчик: Изд-во «Эль-Фа», 2000. – 272 с.

Батрай 2013 – Батрай Е. Общности социальной организации нарттов и черкесов / пер. с нем. Х.И. Шидова. – Майкоп: Изд-во «Паштов З.В.», 2013. – 144 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Куров 2025 – Куров Н.З. Судьбы мухаджиров аулов Урупского, Коноковского и Кургоковского в черкесской диаспоре Турции // Сборник статей XVIII Международных научных чтений, посвящённых Дню славянской письменности и культуры (Майкоп, 29 мая 2025 г.). – Майкоп: Изд-во Магарин О. Г., 2025. – С. 133–136.

Леонтович 1882 – Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1882. [2], VI, – 439 с.

Набокова 1963 – Набокова Н.М. Морфологические особенности армавирского говора адыгейского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1963. – 186 с.

¹ Разрываю, разрываю, радуюсь хозяйству, кукурузу разрываю...

² Ах, сэрмафэ, в ваших домах не кончается плач по погибшим,
Ах, сэрмафэ, и сам Уруп словно течёт слезами, о-о-у...
Ах, сэрмафэ, если это не Божья кара,
То что же за бедствия обрушились на нас?...

Набокова 1965 – Набокова Н.М. Некоторые особенности речи жителей аула Урупского // Адыгейская филология: научные труды Краснодарского государственного педагогического института. – Краснодар, 1965. – Вып. 42. – С. 114–124.

Огурлов 2014 – Огурлов А.Г. Аул Урупский – жемчужина Успенского района. Историко-краеведческий сборник. – Ростов: Изд-во «Проф-Пресс», 2014. – 199 с.

ПМА–1 – Полевые материалы автора. Россия, Успенский район Краснодарского края, а. Урупский (Шъхъащэфыжь). 2021–2025 гг.

ПМА–2 – Полевые материалы автора. Турецкая Республика, провинция Анкара, с. Ики-здже (Шъхъащэфыжь). 2024 г.

ПМА–3 – Полевые материалы автора. Россия, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, интервью с М.А. Табишевым. 2023 г.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Топчу 2017 – *Топчу Паниу М.* Состояние и перспективы изучения родного языка в черкесской диаспоре Турции // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – 2017. – № 12 (36). – С. 147–153.

Фелицын 1885 – *Фелицын Е.Д.* Числовые данные о горском и прочем мусульманском населении Кубанской области // Сборник сведений о Кавказе / под ред. Н. К. Зейдлица. Т. IX. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. – 564 с.

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии / вступ. ст. и подгот. текста к печати В.К. Гарданова, Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.

Alparslan, Dumézil 1963 – *Alparslan O., Dumézil G.* Le parler besney (tcherkesse oriental) de Zennun Köyü (Çorum, Turquie) // Journal asiatique. – 1963. – P. 337–382. (на фр. яз.)

Besleney 2014 – *Besleney Z.A.* The Circassian Diaspora in Turkey: A Political History. – London; New York: Routledge, 2014. – 224 p. (на англ. яз.)

Hewitt 2014 – *Hewitt G.* From the Point of the Protection of Minority Languages: the Future of the Circassian Language. – Düzce, 2014. – URL: http://georgehewitt.net/pdf/Duzce_Presentation.pdf (дата обращения: 15.12.2025). (на англ. яз.)

Klaproth 1827 – *Klaproth J.* Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. – Paris, 1827. – 187 p. (на фр. яз.)

REFERENCES

ABAZOVA M.M. *Rech' kabardino-cherkesskoi diaspori v Turtsii* [Speech of the Kabardino-Circassian Diaspora in Turkey]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI RAN; 2014. – 136 p. (In Russ.).

Adygi: adygeitsy, kabardintsy, cherkesy, shapsugi [The Adyghe: Adygheans, Kabardians, Circassians, Shapsugs]. Ed. by A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova. – Moscow: Nauka; 2022. – 870 p. (In Russ.).

Adygskaia i karachaevo-balkarskaia zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura [The Adyghe and Karachay-Balkar Diaspora Abroad: History and Culture]. Ed. by Kh. M. Dumanov. – Nalchik: «El-Fa», 2000. – 272 p. (In Russ.).

ALPARSLAN O., DUMÉZIL G. Le parler besney (tcherkesse oriental) de Zennun Köyü (Çorum, Turquie). IN: Journal asiatique. – 1963. – P. 337–382.

BESLENEY Z.A. The Circassian Diaspora in Turkey: A Political History. – London; New York: Routledge, 2014. – 224 p.

BATRAY E. Obshchnosti sotsial'noy organizatsii nartov i cherkesov [Communities of Social Organization of the Narts and Circassians]. – Maikop: Pashtov Z.V., 2013. – 144 p. (In Russ.).

FELITSYN E.D. *Chislavye dannye o gorskom i prochem musul'manskom naselenii Kubanskoi oblasti* [Numerical data on the highland and other Muslim population of the Kuban region]. In: Zeidlits N.K., ed. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. 1885. Vol. IX. – Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoy chast'yu na Kavkaze. – 564 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of Krasnodar Krai].

HEWITT G. From the Point of the Protection of Minority Languages: the Future of the Circassian Language. Düzce, 2014. Available at: http://georgehewitt.net/pdf/Duzce_Presentation.pdf (accessed 15 December 2025).

KHAN-GIREY. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. Introduction and preparation of the text for publication by V.K. Gardanov, G.Kh. Mambetov. Nalchik: Elbrus; 1978. 333 p. (In Russ.)

KLAPROTH J. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. – Paris, 1827. – 187 p.

KUROV N. Z. *Sud'by mukhadzhиров aulov Urupskogo, Konokovskogo i Kurgokovskogo v cherkesskoy diaspole Turtsii* [The Fate of Muhajirs from the Auls of Urup, Konokovo and Kurgokovo in the Circassian Diaspora of Turkey]. IN: Sbornik statey XVIII Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy, posvyashchennykh Dnyu slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury (Maikop, 29 May 2025) [Proceedings of the 18th International Scholarly Readings Dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture]. – Maikop: Magarin O. G., 2025. – P. 133–136. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Adats of the Caucasian Highlanders: Materials on Customary Law of the Northern and Eastern Caucasus. Issue 1]. – Odessa: Tipografiya P.A. Zelenogo; 1882. [2], VI, – 439 p. (In Russ.)

NABOKOVA N. M. *Morfologicheskie osobennosti armavirskogo govora adygeyskogo yazyka* [Morphological Features of the Armavir Dialect of the Adyghe Language]. PhD diss. – Tbilisi, 1963. – 186 p. (In Russ.).

NABOKOVA N. M. *Nekotorye osobennosti rechi zhiteley aula Urupsk* [Some Features of the Speech of the Residents of the Aul Urupsk]. IN: *Adygeyskaya filologiya: nauchnye trudy Krasnodarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Adyghe Philology: Scholarly Works of Krasnodar State Pedagogical Institute]. – Krasnodar, 1965. – Issue 42. – P. 114–124. (In Russ.).

Ogurlov A.G. *Aul Urupskii – zhemchuzhina Uspenskogo raiona. Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [The Urupsky Aul – the Pearl of the Uspensky District. Historical and Local History Collection]. – Rostov: Prof-Press; 2014. – 199 p. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [Author's field materials]. Republic of Turkey, Ankara Province, village Ikizce (Shkh'ashchefizh'). 2024. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [Author's field materials]. Russia, Uspenskiy District, Krasnodar Krai, aul Urupskiy (Shkh'ashchefizh'). 2021–2025. (In Russ.).

Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

TOPCHU PAPSHU M. *Sostoyanie i perspektivy izucheniya rodnogo yazyka v cherkesskoy diaspole Turtsii* [The State and Prospects of Studying the Native Language in the Circassian Diaspora of Turkey]. IN: *Vestnik nauki Adygeyskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy im. T.M. Kerasheva* [Bulletin of Science of the Adyghe Republican Institute for Humanities Research named after T. M. Kerashev]. – 2017. – No. 12 (36). – P. 147–153. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.З. Куров – аспирант.

Information about the author

N.Z. Kurov – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 13.02.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.